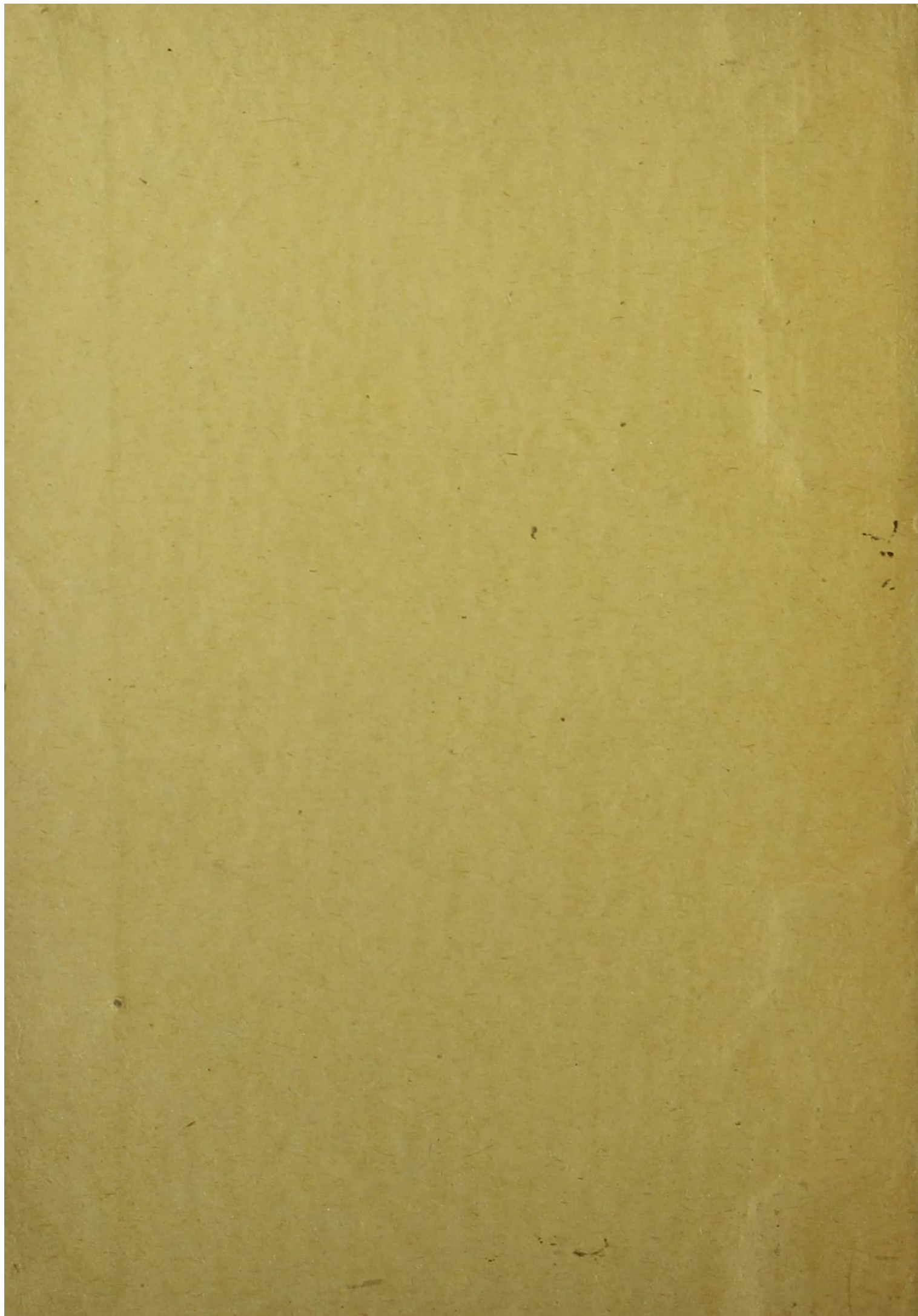

1580к

№-1580 К

Ивановская Обл. Научн. Библиот.

Отдел Краевой

24

12

28

4

МИХ. АРТАМОНОВ

ЗЕМЛЯ РОДНАЯ

Ивановская Обл. Научн. Бюро

Отдел Красной

Издание Петроградского Совета
Рабочих и Красн. Депутатов.
1919.

2010

1941

94

№ 0851-15

Первая Государственная Типография. Гатчинская, 26.

Проталины талы,
Красен день.
Невеста, алую
Шаль одень.

Узоры сини,
Кайму-златынь
На блески инея
Утром кишь.

Тоску, смятенье
Между людьми
Ты в дни весенние
Рассей, снимми!

Так безотраднa
Печали вязь!
Мечта нарядная,
Ты жизнь укрась!

И из за тына
И черпой тьмы
Слова любимые
Услышим мы.

* * *

Сходились девченки,
Девченки—соседки,
Сходились, рядились
И шли на поседки.

Поседки — сиделки
Звенели отъ песен,
Был домик весельи
И шумен и тесен.

Ой, Любушка-Люба,
Не любо иль лобо—
Тебя зацелую
В румяные губы.

Тебя зацелую,
Мою дорогую,
Жизнь нашу украшу,
В наряд обряжу я.

Ты будешь моею,
Ты будешь царица;
Работа сильнее
В руках заспорится...

П Р И С У Х А.

Ах, ты тропочка-протопочка моя,
Поверни ка ты в родимые края,
Где бывала я,—нарядна и пьяна,
Проходила незабывная весна.

В тихополье, на раздолье, вдалеке
Ходит девушка с колечком на руке,
Эти грезы мне, мечтанья дороги:
Как дарил я, говорил я: береги!

Знаю, знаю—не потеряю оно,
Знаю, знаю—и другому не дано:
В тихополье, на раздолье, вдалеке
Ходишь, носишь, не снимая, на руке...

Почему же мне покою не дает
Эта скука да присуха—приворот,
Да мелькнувший потонувший тихий свет,
При тумане одурманивший на нет?

Обручальное дареное кольцо,
Тихой девушки печальное лицо—
Знать, не видеть, не увидеть и не знать...
Как мне с думой-неполадой совладать?

* * *

Выше, молот, подымайся,
Звонче, молот, колоти,
Силу мощную в железо
Своей силой воплоти.

Приударь-ка, бей-ка звонче,
Ты, кузнец, железный царь!
Вивь, пора какая понче,—
Размахнись и приударь!

В стороне родной и дальней
Ходят стоны меж людьми...
Так ударь по наковальне,
Выше молот подыми!

* * *

Мы счастье ковали из стали,
Мы счастье повсюду искали,
Мы к свету стремились
И темною ночью
Дорогу себе пробивали...

В подземные недра вступали,
Входили мы в шахты, туннели,
Где призраки смерти таились,
Где свечи надгробные тлели,—
Вступали и счастья искали.

За нами—безглазые ночи,
Могильные склепы смыкались,
И шли мы вперед, задыхались,
Где люди, как черви земные,
В тяжелом труде пресмыкались.

Безграничные дали нас звали,
Где зори багрянцем пылали,
Где факелы тлели,
Алели,
И к свету народ призывали.

И шли мы вперед на мерцанье
К рассвету, к зарницам востока.
Мы верили в свет. Издалека
Сошлись на собранье
При утреннем свете востока.

1914. —

СТРАННИЦЫ.

Шумят ли реки вольные
Разливом берегов,
Мечта бежит раздольная
Без жизненных оков;
Плывут ли колокольные
Не звоны — звукопльнь
Привольная, раздольная,
Зовет: нужду откинь!
Плывут ли волны ровные
По нивам аржаным
Да песни полюбовные,
Да сизый в поле дым;
Над склонами, угорами
Пылает ли загон —
Идут лесами, борами,
Идут со всех сторон;
Идут лесами, борами,
В народе скорбь излив,
Уж гаснет за соборами
Малиновый разлив:

Не золото червонное,
Червонная краса—
Пылают отдаленные
Пожары—небеса...

Глядят на зори алые,
Глядят на сизый дым.
Работали безмалого
Всю жизнь людям чужим.
Работали да маялись:
Цена работе—грош;
Теперь то и покаялись,
Да поздно—не вернешь!
Работали, ломались
Глотали слезы—дым,
В миру чужими сталися,
Да нужны ль и чужим?
Вот так и проворонили
Всю жизнь по господам,
Теперь то хоть и поняли,
Да поздно, поздно нам!
— Ой, мать-земля кормилица,
Нас город полонил!
Теперь то и хватилися,
Да нет уж прежних сил!
Вот тьма на придорожие
Вечерняя легла.
Проходят люди божии
До ближнего села.

Рассвет.
Поднялись странницы
И снова в путь пошли,
И тянется и тянется
Дороженька вдали...
Чу! песенки над пожнями:
Уж едут на дела
С телегами порожними
Крестьяне из села.
Сравнялись. Стали оголо
С телегами гуськом
Окликнули:—далеко-ли?
Садитесь, подвезем!—
—Спасибо, сердобольные,
Себя не утрудим.—
Тут звоны колокольные
Почудилися им.
Взмахнул мужик возжиною:
— Н-по! трогай!—и вдали
Уж скрылись в дымы синие,
Что даль заволокли.

П А Л Ы.

Над полями,
Пустырями,
Над проселками
Далече
Сизо-дымными
Краями
Распласталось
Пламя—пал.
Русь больная,
Русь нагая
У киотов теплит
Свечи.
Но далече
Кровяные
Рок знамена
Начертал.

Купину
И образ божий
Носят в поле
В сизо-дымье.
Среди ночей
Колдуют:

Сжался, сжался,
Яропыт!
Чахнут нивы,
Маловсхожи;
Над полями
Голубыми
Будто вздыбились
Кони,
Сыпя дым
Из под копыт.

Не иначе—
Леший шутит...
Эка дьявольская
Сила!
Навожденье
На селенье,
И молебном
Не унять!
И иконы
Спова носят,
Теплят свечи
И кадила:—
«Эка сила
Нечестива,
Эка голбишная
Рать!»

А вершины
Стоном стонут,
С гулом падая,
Стеная,

Лижет пламя
Сучья сосен,
Вьются лепты—
Искромет.
Русь больная,
Русь нагая,
Свыше чуда
Ожидая,
С купиной
Неопалимой
Полям делает
Обход...

Вся округа
Хлеборобов
В сизой дымке
Утонула;
Заревую ночь
Обагрив,
Змей летает,
Стокрылат.
Стонет лес,
Стволы роняя,
И гудит, дрожит
От гула
Русь больная,
Уповая
На скрижали
Вольных лат...

З О Р И.

I.

В небе зорька алая
Золотом тканая.
Ночь прокоротала я,
Девушка, одна.
Все-то, все бывалое,
Что промчалось сном,
Ночью вспоминала я,
Сидя под окном.
Ах, заря закатная,
В небе божий путь,—
Время невозвратное
Можно ли вернуть?
Все припоминалася
Вся-то жизнь моя...
На миру осталася
Вековушкой я.

Сердце истомленное
Бьет былой набат,
На луга зеленые
Лебеди летят....
Ах-бы лебедицею
В небо улететь!
Трудно век девицею
В девушках сидеть...

II.

Зацвела калина,
Горькая моя...
Я ли пелюбима,
Вековушка я.
Ах, да были весны,
Ах, светили нам,
Песни стоголосны
Пели по лугам.
Рожь ли в поле жали,
Сено-ли гребли,—
Песни распевали,
Хоровод вели.
Да прошла, минула
Радость света-дня;
Сердце обманула
Ты, судьба моя.
Не вернутся зори—
Ласковы слова.
Ах, польшь ты горе,
Лебеда—трава!...

III.

Я сижу у окна,
Я мечте предана,
Я одна и одна.
Потухает закат,
Дымкой даль заткана,
В старом парке царит тишина.
Я гляжу на зарю,
На вечерний туман,—
Сердце ноет от прожитых ран..
Ароматен и пьян
Воздух ранней весны,
Ароматны, пьяны
Заревые луга,
Над лугами—стога,
И среди тишины
Чья-то грустная песня слышна.
Иногда из лугов
Долетит разговор..
Я гляжу на далекий простор.
В заревой тишине
Шопот слышится мне—
Зори ткнут златотканый узор...

ПЕСНИ.

I.

Тухнут, гаснут зори...
В голубом мерцании,
Золотом закованные,
Заалели здания.

По реке хрустальной
Пролегла зыбучая
Полоса малиновая
С золотою тучею.

По реке зеркальной,
По лугам—укосице
Чья-то песня грустная,
Замирая, носится.

Что звенит? что плачет?
Что зовет тревожная,
Чуткая, неведомая
Опаль подорожная?..

Что звенит, что плачет,
В тишину влюбленная,
При огне малиновом
Даль замороженная?

О любви-ль забытой,
Обо сне-ль-утраченном,
Грусть-тоска вечерняя,
Ты простору вверена?..

II.

Яблонька зеленая
Цветом убрана...
Я, приговоренная,
Мучаюсь без сна.

Ах, зачем вы стаяли,
Белье снега?...
Я ему, другая-ли
Стала дорога?

Ах, спежинки талые,
Ах, тоска, тоска!...
Так ли целовала я
Милого дружка?

Шли с беседы темною
Ночкою не раз.
Дума, дума скромная
На душе зажглась.

Клятвою церковною
Он божился мне,
Речи любовные
Слышала одне.

Ах, трава-травинушка,
Травка зелена,—
Я-ли, сиротинушка,
Вяну у окна!

III.

Ах, лиловые бубенчики,
Колокольчики-цветки.
Распускайте чаши—венчики,
Голубые лепестки.
Золотым лучем окованный,
До небес доброшен мост.
Светлы, солнцем зацелованы,
Подвигайтесь выше в рост.
Я пройду травой немятою,
Я подслушаю ваш звон;
Жизнь, перадостью богатую,
Озарит на время он.
Ах, бубенчики лиловые,
Чаши-венчики—цветы!
Принесли вы радость новую,
Вы спасли от пустоты.
Перезвоны ваши зорше
Я пойму в закатный час,
На душе ясней, просторнее,
Колокольчики, от вас!
Жизнь, перадостью богатая,
Неприютна и долга...
.....
На заре травой немятою
Я пойду-пройду в луга.

* * *

Холодно одной в синем тумане,
Хочется участия в часы вечерние.
Ах, эти в жизни проклятые обманы!
Ах, эти в жизни колючие тернии!

Был один понимающий душу,
С ним забывала тяжелую тоску я,
Да его уж нет: на германском фронте
Он сидит в траншее, с врагом воюя.

Ах, эти ночи, синие туманы!
Ах, эта тоска души одинокой!
Вся жизнь страданье, вся жизнь обманы,
А друг, понимающий душу, далеко...

Грустней, чем всюду, в часы вечерние
На Обводном канале в синем тумане.
Ах, зачем же в жизни даны лишь тернии,
Ах, зачем же в жизни одни лишь обманы?

ФАБРИЧНЫЙ ШУМ.

Зеленый шум, весен-
ний шум.

Н. А. Некрасов.

Фабричный шум, гигантский шум!
Как много он наводит дум
О прожитых былых годах,
В душе рождая смутный страх!

Сошлись мы двое полных сил —
Она да я. Я полюбил.
Бывало, в сумраке ночном,
Придя из корпуса вдвоем,
Из бедных хижин, серой тьмы,
Гулять на свет ходили мы
С одной мечтой, без серых дум.
Лишь рокотал за далью шум!..

Станок шумел и грохотал,
В полотна нитки превращал...
И я смотрел за часом час,
Чтоб нитка где не порвалась,
Чтобы с засечкой не наткать,
В конторе штрафа не принять;
Смотрел, и мускульной рукой
Станок привертывая свой,
Основу связывал, справлял...
В тот миг станок не грохотал.
И на рычаг опять без дум
Я налегал. Фабричный шум!

Снуют все желтые вокруг:
То голод-царь, то спертый дух,
То пыль полотен, словно дым,
Висит налетом голубым.
И всюду, серый как земля,
Рабочий люд у миткаля
Под адский свист, машинный вой
Стоит с понурой головой,
Голодный, желтый и угрюм...
Фабричный шум, заводский шум!
Гремят станки, вертится вал...
Здесь голод царство основал.

...Но ты вдали, одна, одна!..
Как тень, как призрак, чуть видна,
Дневным лучем озарена,
Стоишь с работой у окна,
А дальше—горы полотна...
О! Как хотелось бы с тобой
Под этот адский свист и вой
Стоять вдвоем, одним, вдвоем,
Где пряжу ткем, где вечно ткем!
Где из железных лап машин
Мильоны сотканых аршин
Бегут, прозрачны и белы,
И льются с шумом на валы.

Ткачи, ткачи! Рабочий люд!
Все с чем родились—с тем умрут
Под черным иглом бедноты,
Всю жизнь работая холсты...
И носит их совсем не тот,
Который год за годом ткет—
Голодный, желтый и угрюм...
Фабричный шум, машинный шум!

По лицам хмурым бродит тень...
Ткачи! придет весенний день,
И эхо бодрых голосов
Под своды душных корпусов
К вам долетит, вас будет звать—

Основу новой жизни ткать!
Однажды кто-то к нам пришел
В глухую ночь; меня увел...
В бетонный ящик, в мой подвал,
Где я сидел, не проникал
От солнца луч, ни свет дневной.
О, как смеялись надо мной!
Лишь, прислонясь к стене, подчас
Я слушал жадно каждый раз,
Как полз хаос в мой темный трюм:
Фабричный шум, гигантский шум!

И много лет пришлось страдать.
Но лучше их не вспоминать!
Огонь души во мне иссяк,
Его убил могильный мрак!..
Когда-ж приехал я, она
Была куда-то сослана...

И много лет с тех пор прошло,
И много счастья унесло...
Но иногда не мало дум
Наводит шум, фабричный шум!..

* * *

В корпусе, на фабрике, женщиной печальною,
В жизни обездоленной, много зла изведено...
Радость беспредельная, радость безначальная
Женщине-работнице ныне заповедана!
Под ярмом, под тяжестью, всеми позабытые,
Всеми покоренные, жили, бессловесные,
С болью подневольною, на душе сокрытою,
Вы сносили тяжести, только вам известные!..
Женщины-работницы! с песнею победною
Как вас не приветствовать на пути сознания?
С новой силой-верою, с песней заповедною
Свет несите доблестно в корпуса и здания!..
Мрак чуть-чуть рассеялся. Зори отдаленные
Вспыхнули средь сумрака, сумрака туманного,
В корпуса холодные, в skleпы монотонные
Луч проник живительный утра долгождан-
ного.

* *
*

Так и пышит
Зноем-польимем
Раскаленная
Земля.

Не стоится,
Не сидится,
Тянет в лес
И на поля.

Плиты, камень
Пышут пламень.
Раздавил нас
Город-змей.
Эх-бы, в поле,
Да на волю!..
Там, где травы
Зеленей!

Только к воле
Не добраться,—
Здесь до поля
Путь далек.
Город людный,

Город гулкий
Вихорь пыльный
Заволок.

То-и-дело
Воздух мутный
Оглашает
Звон-сигнал.
Вдаль без края
Рвутся звоны...
Город гулкий
Шум сковал.

Эх-бы, в поле
Да на волю,
Да в цветущий
Поле — сад!..
Там, где травы
Величавы,
Где бубенчики
Звенят!

Там, где лютики
И клевер
Ткут узор
Огнем своим,
Да чтоб к югу
И на север
Был простор
Неоградим!

О К Р А И Н А.

I.

В тихую ночь вырывается резкий и гулкий
Дальний свисток. Оживают вдали корпуса.
Тихо калитки стучат; отдаваясь в пустом
переулке,
Будто чужие,—звучат утомленных людей
голоса.

Фабрика гулко ворота свои растворила,
Сторож, зевая, стоит с фонарем у ворот.
Темная ночь,—неприветное время—покрыла
Жизнь одинокую, жизнь неизжитых забот.

Табельщик сонный привычной рукой
отмечает
Номер за номером, как автомат-монумент.
Цементный корпус при звонах шагов
оживает,
Тысячи лампочек вспыхнули сразу, в
момент.

— Эй, торопись! За работу берись!
Живо к машинам, станкам становись!
Нечего медлить, к колесам, станкам!
Время! Не время раздумывать нам!
Смену за сменой протянем весь век:
Та же машина и ты, человек!

II.

В городе сон. За полумраком черным
Слышится гул и фабричный тряс.
Шум сливается с звоном соборным.
Четыре часа было сейчас.

В отдали зарево ало вьется,
Трубы дымят, горят корпуса.
Здесь не даром жизнь достается
Людям, вставшим в четыре часа!

Третьи свистки полошат зори...
В корпус! в корпус!.. пора в корпуса!
Ночь идет. Но затлеет вскоре
Огненных зорь вдали полоса.

Окраина встала, но город спит,—
Город безмолвием черным покрыт.

ПЕСНИ ОБВОДНОГО КАНАЛА.

На канале дробятся огни...
Путник с чуткой душою, взгляни
На гирлянды вечерних огней,
На мосты из воздушных цепей,
На дворцы, что глядятся в канал...
Кто из камня дворцы основал?
Кто в них жизнь заревую вдохнул,
Мертвый мир красотой всколыхнул?
Кто огнями дворцы зажигал,
Те дворцы, что глядятся в канал?
Это ты, что живешь по углам,
Что влачишься с трудом пополам,
Что не гость на пиру красоты,—
Это ты!.. это ты!.. это ты!..

* *
* *

Цветик дикий—мимоходом
В поле выросший цветок
Сорван, вытопан народом,
Брошен, хрупкий, на песок.

Но на том же месте самом
Из утопанной земли
Стройно цветики румяны
Целым морем расцвели...

Ц В Е Т О З В О Н .

Гаснут зори, ало-сини,
По земле роняя мрак,
Ходит шопот по долине—
Травий шелест-шелестняк.

На лугу поет тальянка,
Там, где смётаны стога.
Выйди, девушка-зорянка;
Ты-ли мне не дорога?

Ах, приди, меня наведай,
Разгони печаль мою.
Я пройду по росноследу,
Песню-горе запою.

Ты услышишь-ли, какая
На душе печаль моя?
Без конца пойду, без краю
На далекие края.

Ты мне спутницей-ли будешь
На чужом мирском краю?
Ах, заря! — зачем ты будишь
Грусть забытую мою?

Я смирился с тихополем,
Города успел забыть.
Снова грусть зовет на волю,
Вечным странником бродить.

Где-то есть, — я знаю, — страны,
Где-то тропы пролегли.
Мне неведомы, желанны
Люди, скрытые вдали.

Лейтесь зори, ало-сиши,
Заревые терема,
Знает зоренька-княгиня
Грусть вечерною сама.

Знаю: выйдет в роснополе
Зоренька моя одна...
Ах, какая на роздоле
В цветозвоне тишина!

Т Р О И Ц А.

В поле тихая березка расцвела.
Нарядились, выходили из села
Девки-девушки—березыньку ломать,
Наряжонную березку разряжать.

Зеленеется березка—зелена,
Распускается на Троицу она,
Расцветает на раздолье на лесном,
Что нарядная невеста под венцом.

Шли к березке пересмешницы гурьбой
Непротоптаной, нехоженой межой,
Пели песни на просторе полевом,
Песни-песенки о соколе своем.

Я-ли, то-ли, не нарядна, не красна?
Я-ли, то-ли, у родимой не одна?
Я-ли, то-ли, не невестою расту?
Я-ли, то-ли, не слыву за красоту?

В день во Троицу раскроются цветы,
Разнарядятся, травой перевиты.
На раздолье в тихом поле, что звонки,
Рассмеются голубые васильки.

Слышу шопот, тихий шопот, травий лом,
Шелест листьев на просторе полевым,
Их уверенный размеренный зазвон,
Доплывающий с нехоженых сторон.

Ой, вы, цветики, парадные цветы,
Повиликою-травой перевиты,—
Кто не слышал ваш цветистый перезвон,
Тот любовью, тот огнем не озарен.

* * *

Гуляют, разпаряжены,
Глядятся в омота:
Где милый сужен-ряженный?
Кем буду занята?
Бросают с пальца снятые
Колечки-перстеньки.—
Вы, лешие—косматые
Хозяева реки!
Скажите мне о соколе,
Судьба-ли с ним-ли—нет?
И близко-ли, далеко-ли
Желанного обет?

Я Р М А Р К А.

Распахнулись шатры—балаганы
На зеленом нарядном лугу.
Я средь площади озорной стану,
Затеряюсь в нарядном кругу.
Не уйти мне от звона, от гула—
Тайна блещет влекущая в нем.
Колесо карусель развернула,
Загорелся стеклярус огнем.

Размалеванный клоун вышел,—
Смехом встречен каждый шаг,
На парусиновой крыше
Треплется алый флаг—

Подходи, налетай,
Пятаки припасай—
Залезай, не зевай—
Заходи!
Где-то там далеко впереди
Рассмеялась гармонь,
Рассыпая напевный огонь.

Шум и смех, пересмех, толкотня...
Заберусь на резного коня,—
Закружи, унеси ты меня,
Пересмех заревой, толкотня!

Катится, катится,
Хватит, спохватится,
Дрогнет, забьется,
Смех разольется,
Снова спохватится,—
Снова покатится
Звон перезвонный—
Ярмарки звон...

На гулянке—зеленом лугу
У парней зазвенели тальянки,
Заплелись в хороводном кругу
Парни с девками тут, на гулянке.
Ночь развесила в небе огни.
Над шатрами дробятся они;
Заплетается сказка во мгле
На цветистой нарядной земле.

С Е М И К.

Собирались в горенке
Красны девки-зореньки—
Во цветные ткани,
В ленты с кружевами,
В алые полоски
Наряжать березки.

Ах, Семик-чаровник,
Ах, цветная Троица!
Скоро, скоро-ли мое
Сердце успокоится?
Ах, Семик-чаровник,
Время расцветанья!
Скоро-ль миленький придет
После расставанья?

В терему, во горенке,
У березки ранней
Красны девки-зореньки
Ходят со цветами...

Ах, Семик, краса цветная,
Ах, березка зелена!
Я несчастная такая
На пиру в миру одна.

.

Обрядили в лепты алы,
Разукрасили в цвета:
Ты цвети, березка наша,
В шелк цветной перевита.

КУПАЛО.

На Ивана Купала
Не спят—ворожат,
На Ивана Купала
На поле спешат.
Купало, Купало,
Меня искупай,
Купало, Купало,
Ты мне погадай!
Огни-то, огни-то,
Гляди-ка, горят!
Все поле покрыто
В певучий наряд!
В огни наряженный,
Под звон и под свист
Колдует Купало,
Наряжен, цветист.
Чудесны обманы—
Все поле гудит,
Одеты поляны
В невиданный вид.

Разнаряжена, задорна и остра,
Ходит девушка у яркого костра...
Ходит, бусами стеклянными звеня.
Сколько в девушке задору и огня!
Ах ты, девушка, не девушка—король!
Провожу тебя я до-лесу, изволь!
Мы найдем на перекрестине дорог
В эту полночь расцветающий цветок.

Купало, Купало,
Гори, не сгорай!
Купало, Купало,
Ты мне погадай!
Огнистый, цветистый,
Тебе мы поем,—
Купало, Купало,
Очисти огнем!

* * *

Девьи песенки несчетны,
Неотгадны девьи сны.
Ткутся вешние полотна
В майском золоте веснь.

Загрустила у огумен:
— Выйти нонче-ли судьба?
В цветозвонном майском шуме
Даль-то, даль-то голуба...

Там стоят пары на поле,
Повилика расцвела,
Примечтались на приволье
Вешних снов колокола.

Да, прознала горе рано!
Ах, обманные слова!
Ах, цветная муть тумана—
Сердце рвет разрыв-трава!

Выду, гляну в отдаль божью—
То-ли даль-то хороша!
Улететь в простор пригожий
Рвется, просится душа.

Сердце веру потеряло,
Нету песен светлых в нем.
Голубое поле—ало
Распахнулось за плетнем.

* * *

Ломкие хрусталинки
На вешние проталинки
Падают со звонами.
Пятнами зелеными
Кое где глядится
Травка—луговица.
С голубыми тенями,
Дымами весенними...
Солнцем зацелованы,
Но еще закованы
В талые снега,—
Стелются луга.
А вдали за дымами,
Над землей носимыми,
Уж весна цветняная,
Уж весна румяная
Чудится в гудении,
В тихом дуновении
Теплых ветерков.

П Л Я С.

1

Ах, да ну-ли, ах, да ну-ли, ах, да ну!
Головой-ли удалой-ли я тряхну,
Да пушуся под гармонику я виляс—
Ах, сегодня светлый праздничек для нас!
Я ли топну да пристукну, да пройду,
Я-ли, я-ли при беде не пропаду—
Буду с песенкой-припевкою плясать.
Да ногами все узоры рисовать.

2

Пой, гармоника—растянуты меха,
Жизнь-ли наша не нарядна, да тиха,
Нам-ли радости отрада не дана?
Пойте звонкие гармони клапана?
В пляске мимо я, любимая, пройду;
То-ли я-ли да с тобою пропаду?
Силы чувствую в себе непроворот,
Эта сила на борьбу меня зовет ..

3

Эх, да ну-ка, побратаемся—иди—
 Вижу счастье пред собою впереди.
 Вижу всякого достатка вороха—
 Пой, гармоника—растянуты меха.

4

Ах, ты милая, красавица моя,
 Ты пройди-ка, да смени-ка ты меня—
 Проплыви-ка да пристукни каблуком!
 Не печалься, не бручинься ни о ком.
 Что печалиться, напрасно горевать?
 Будем весело до вечеру гулять!

Ах, да ну-ли, ах, да ну-ли, ах, да ну!
 Головой-ли под гармонику тряхну,—
 Либо эту молодую, либо ту
 Изловлю да поцелую налету.

Эх, да ну-ли, моя милая, да ну,—
 Ты не бойся,—я тебя не обману.
 Просто—рвется разудалая душа,
 Просто — жизнь-то, наша жизнь-то,
хороша.

Эх, вы, девушки—малиновы платки,
 Да у нас-ли дни веселья коротки.
 Т к пляшите, выходите под гармонь!
 Если тлеет под рубахою огонь!

Так и рвутся руки, ноги, голова,
Так и рвутся разудальные слова!
Кабы мог бы—я бы все тебе отдал,
Так и вышел бы, тебя поцеловал!
Ног не чувствую, не слышу под собой,
Ты—платочек, полushалок голубой!

Заливайся ты, гармоника, звони,
Мои думы да печали отгони.
Над тропиночкой—протопочкой-тропой
Я-ли топну да махну я головой,
Каблуком-ли припечатаю печать,
Буду милую невестой величать...
Пой же, звонкая, не все нам горевать
Будем весело до вечера гулять.

ЗЕМЛЯ РОДНАЯ.

1

Земля родная,
Твои просторы
Гудят набатом,
Зовут призывом,
И голос властный
Зажжет, и скоро,
Огонь великий
По тихим нивам.

Народ, стоявший
Вдали от пира,
Народ, стонавший
В нужде великой,
Расправит крылья.
Уж слышны взмахи,
Уж слышен ропот
И гнева крики.

Гудят набаты,
Горят призывы,
Поля и нивы
В сдно сзывая.
Твои просторы
Пылают гневом,
Огнем отмщенья,—
Земля родная!

З Е М Л Я.

Земля, невеста белая,
Душа, порвав со злом,
От крови омертвелая,
Тебе поет псалом—
Псалом о возрождении,
О лучших, красных днях,
О тихом сне в селении
При радостных огнях.

Но что я вижу?..
Зарева
Пылают по ночам,
Пылают—разгораются
И бьют тревогу нам.
Забыто все прекрасное,
Поругана любовь,
В полях резня ужасная,
Резня и ад, и кровь...

Растоптаны, разломаны
И выжжены края;
От огненного гомона
Болят душа моя.
Безумье!.. Нет спасения.
Бежать? но как? куда?
Горят в огнях селения,
Пылают города.

II.

Взгляну в поля знакомые —
И там, о боже, ад!
Враждой непримиренною
Сердца людей горят.
Анархия, безвластие,
Разбой, нужда, грабеж...
Все ищут света, счастья,
А видят острый нож.

Пылают в небе зарева,
Гудит вдали набат.
Вся жизнь неузнаваема,
Встает на брата брат.
О, где-то, жизнь прекрасная
Без горя и невзгод?
Вражда, вражда напрасная
Сердца людские жжет.

Над тихими раздольями
По тихим по полям
Идут и хлещут кольями
Неведомые нам.
Откуда вы явились?
И что толкает вас
Итти в разбой на улицу
В такой великий час?

III.

Я видел: разгоралася
Вражда в толпе людской,
Толпа в отряд сливалася
И вышла на разбой,
Туда, где в упоении,
Украшив божью ширь,
Скрывался в отдалении
Забывший монастырь,
Где, тихим спом овейный,
Грустил вечерний звон
И теплились зажженные
Лампады у икон...
С икон дары заветные,
Что клали в тихий храм,
Каменья самоцветные
Толпа срывала там;
Шелка и ризы ценные,
Парчу, оклад икон...
И плавал в отдалении
Последний грустный звон.

IV.

Взгляните: подем погитя
Глухое воронье;
Земля-чересполовица,
Зорят добро твое!
Раздор... Огонь... Огромная
Вражда, а с ней грабеж.
Тебе, невеста скромная,
Поставлен острый нож.

* *
* *

Палят леса, имения
Помещичьи дома...
К чему нам разорение?
Зачем бушует тьма?
Ведь это все народное...
Немного ждаль, придет
Пора,—тебе ж достанется
Твое добро, народ!
От крови омертвелая,
Душа, порвав со злом,
Земля,—невеста белая—
Тебе поет псалом.
Что было,—все растаскано,
Что было,—все сожгли...
Какой, земля, ты явишься
Хозяину земли?..

КУЗНЕЦ.

Брызжут брызги в звонком ковце,
Брызги—искры, света ярь.
Эх, по наковальне звонкой
Размахнись и приударь!

Что ни размах—звон металла,
Что ни взмах—искрится гарь.
Разве силы в теле мало?
Размахнись и приударь!

Мы куем не цепи-звенья,
Мы куем победный меч,—
В честь грядущих поколений
Дружно надо принаечь!

Покорив, создав машину,
Человек, владыка-царь,
Мощной силою единой
Размахнись и приударь!

Опусти-ж тяжелый молот,
Выкуй счастье, счастье—ярь.
Будет щит нужды расколот—
Размахнись и приударь!

КРАСНЫЙ ЛИК.

I.

Растворяйтесь, ворота, звоните, храмы,
Лейся, звон, со всех колоколен.
Велик и волен в своем восстаньи
Народ воскресший, что был бездолен.

Вейтесь, флаги, ленты, знамена!
В красный цвет разрядись, столица.
В толпе мятежной и в гуле звона
Идут озаренные счастьем лица.

Порыв в них, сила! Они создали
И этот город, дворцы и башни,
Они сковали дворцы из стали...
Это народ, раб вчерашний!

Распахнитесь, двери, растворяйтесь, ворота,
Кипи, город, в красном лике.
Пожарно-алы флагов взлеты.
Могуч, свободен народ великий!

II.

Растворяйтесь, ворота, из домов каменных,
Выходи, народ, на площади красные!
С гулом великим, в ропоте пламенном
Встает улица, сегодня властная.

Нарядилась улица, запрудилась знаменами,
В красном гуле потонули здания.
Мятежными криками, стоголосыми звонами
Кипит народ, творец восстания.

* * *

Светел месяц—полнолик
К западу склоняется,
На серебряной земле
Горе забывается.

Тают шопоты земли,
Утренниц дыхания,
Песни—смехи полегли
В белом колебании.

Песню—польмя не спеть,
Спать ли с сердца марево?
Широки просторы зорь,
Золотые зарева!

Зори небо золотят,
Зори разгораются;
Где-то лебеди летят,
На лету скликаются.

Ах, развеи свою печаль,
Ты, невеста-скромница!
Все пройдет, но шопот зорь
Долго будет помниться...

* * *

Ворожит колдун
В новолуныи лун:

Вбиваю кол
В зеленый дол,
Чтоб Дарьин сын
С войны пришел.
Приворот луны,
Огонь сатаны,
Ты грей, свети
В пути!

Поглядел на лес
Новолунный бес,
Подымал топор,
Опускал топор
Промеж белых гор:
Приходи, Егор,
Хоть без рук, без ног
На денек!

Постоял без дум
Новолунный кум,
Подымал топор,
Опускал топор:
Приходи, Егор!

Хохотал—катал,
Топором махал,
Наводил в лесах
Новолунный страх.

ПОВЕСЕННИЦА.

Девки-девушки полянки,
Щеки алые,
От вольнки да тальянки
Разудалые, —
Собирались на загоце
С оповестками,
Шли при ало-зорнем звоце
Перелесками,
Шумно гулками лесами
Шли зоряночки
По бруснике, повиликe,
При тальяночке.

Ой, да лидо-лидо-ладо
Повесенница!
По весне ли ненагляда
Переменится!
Вейтесь, кудри, мне на плечи
Повиликою,
Свою милу запримечу,
Да окликаю...
Пригляну ли издалека
Я заветную
Кумачеву запояску
Заприметную.
Ой, да лидо-лидо-ладо
Повесенница!
По весне ли ненагляда
Переменится!

На поля да на поляны,
На остожия
Вышли девки спозарана
Да пригожие!
Ой, да лидо повеснянка
Позаранница,
Я ли барышня-крестьянка
Бесприданница!
Звонко косы зазвенели,
Травка клонится,
Как махнет—ряды ложатся,
Кто угонится?..

Вейтєсь, косы, мнє на плєчи
Повиликою,
Друга-мила запримечу
Да обликаю,
Запримечу да привечу,
Знатъ, судьба тому....
Выйду к милому навстрєчу
Важеватому...

* * *

Ой, ты, лидо-лидо-ладо
Повесенница,
Паренек-ли ненагляда
Переменится!

М А Й.

Лютики весенние,
Луговой наряд,
В золотом цветении,
Как огни, горят.

Горицветы—золото
Не сберешь—сбирай;
Раскидал по долу-то
Их нарядный май,

Кинул их пад травам,
По лугам растряс,
Вешними отравами
Опьяняя нас.

Золото напольное,
Луговой цветень,
Пой ты песню вольную
В этот вешний день.

Знаю: завтра скосится
Этот луг травы,
По траве—укосице
Упадете вы.

Так цветите, звонные,
Бей, набат цветной,
Разносишь по заполью
Раннею весной...

* *
* *

И пушиста и бела,
Снеговà постель легла
Белой ризою своей
На луга, на гладь полей.

Тих, серебрян, заметен,
Серебром горит загон,
За загоном слышен дальний
Колокольный перезвон.

Ой, вы, снеги, бел-намет,
Сердцу сердце звон кует.
По серебряным полям
Кто-то едет в гости к нам.

За околицей-селом
Все покрыто серебром,
Снеговая пыль и муть
Запустила первый путь.

*

Путь не езжен, не торен,
Белым снегом заметен,
Серебристые снежинки
Свой роняют перезвон.

Льются-выются бубенцы,
Под дугой колокольцы,
Едут-мчатся первопутьем
К девкам парни-молодцы.

В первопутье путь торят,
О невестах говорят...

* *
* *

И свет погашен...
Всеобщий стон
Средь мирных пашен
Огнем зажжен.

Ах, так устал я,
Погас без сил,
Свет огнеальный
В душе застыл.

Забьют-ли стоны
Огни огней,
Пожар, зажженный
В душе моей?

В великом свете,
Мирском огне
От скорби этой
Нет силы мне.

Иду. Печалит
Великий гром.
Весь запад залит
Огнем... огнем!

НА ПРИВАЛЕ.

На привале отдыхали в вечер синий,
Вспоминали мы прошедшие деньки.
Чьи-то тени проплывали по долине,
Чьи-то песни замирали у реки.

Было тихо, неуютно между нами
При вечернем потухающем огне.
Ночь подкралась, опустилась над полями...
Было грустно в повечерой тишине.

Вдруг гармоника запела о родимом,—
Ожил сумрачный встревоженный привал.
О прошедшем, о былом, невозвратимом
Медный голос под рукой затосковал.

Ближе, ближе гармониста обступали,
Ближе, ближе к гармонисту подошли.
— От кручины, от невзгоды, от печали,
Друг-товарищ гармонист, развесели!

Песня плавала над полем молчаливым,
Разбудила потревоженный покой,
Перебором, перепевом, переливом
Отдавалась в перелеске за рекой.

Было тихо заревое трепетанье.
Потухали на привале огоньки.
Только плакала гармоника в тумане—
Про последние печалилась деньки.

* * *

Черным стоном,
Черным звоном
Вздрыгнул, грянул
Пушек крик,
По равнинам
По зеленым
Прокатился
И поник.

За рекой
В седом тумане
Закачались
Огоньки,
Застучал
Над полем брани
Пулемет
Из за реки. .

Алой пылью
Над ковылью
Рвется ломкий
Полусвет,
Черной сказкой,
Красной былью
Мир полунощный
Одет.

Звонко-ломкий
Гул праптели
Синеву почную
Рвет,
По траве,
Цветной постели,
Шум заглушенный
Плывет.

ПОКРОВ.

Заиграла заря,
Заиграла
По малиновым скатам
Небес.
Золотое ее
Опахало
Одевало задумчивый
Лес.

Терема и палаты
Горели
По уступам ночных
Облаков.
На восточных холмах
Заалели
Краснобурые листья
В Покров.

Эта ночь не мечты
 Рассыпала
Околдованным сном
 Теремам:
Огневая одежда
 Опала
По холодным и росным
 Лугам;

Не пожары лесные
 Горели,
Не цветы расцвели,—
 Не весна:
Листопада багрянцы
 Затлели
В колдовстве непробудного
 Сна.

Величавая риза
 Опала,
Молчалив облетающий
 Лес...
Золотое зари
 Опахало
Золотило просторы
 Небес...

ЗАРЕВЫЕ ШОРОХИ.

Ти-ли-ти-ли, ти-ли бом!
Колотили в стену лбом..

В. Князев

За полями в тьме вечерней
На малиновом разливе
Монастырь купается.
Величавей и безмерней
Там за рощею вечерней
Зори загораются,
В ленты заплетаются,
Передесок острозубчат
В зареве купается...

Ти-ли, ти-ли, ти-ли бом!
Заходите в божий дом!
В монастырь, в монастырь!
Здесь безмерна божья ширь.
Все, и малый и большой,
Всех ведите за собой.
Все калеки и калки,
Человеки невелики,
И слепец и поводырь—
В монастырь!

Жутки ночи, ясен день.
Тьма опала по оврагам.
Как черница, робким шагом
Переходит лесом тень.

На опушке близь избушки,
Где старик-лесник живет,
Две старушки-побирушки
Отдыхают у ворот.
«На Афоне, мильй, были,
Уподобились взглянуть,
Где Христа похоронили,
Где он вел земную путь...
На Афоне, мильй, были,
К Солигаличу идем».
Вдруг из за-лесу поплыли
Звуки: ти-ли-ти-ли бом!

Звоньы тают ранние,
В космы зорь вполетаются.
Робким шагом по оврагам
Тени пробираются...

Ти-ли, ти-ли, ти-ли бом!
Заходите в божий дом
Все калики—невелики
В прегрешеньи мировом!
Все, слепые и хромые...
Заходи, недруг и друг,
Не больные и больные,—
Облегчим мы вам недуг!
У распятья—водосвятья
Вам молебен пропсем.
Заходите в божий дом.
Ти-ли, ти-ли, ти-ли бом!

Самоцветны на разливе
Заревые пояса.
В божьем чуде, божьем диве
Стелет шорохи роса.

Жутки ночи, ясен день.
Тьма опала по оврагам.
Как черница, робким шагом
Переходит лесом тень.

Вышел сторож из избушки,
Глянул—ширится заря.
У избушки на опушке,
Сел, молитву сотворя.
«Сухота!—вздыхает старый,—
Вот бы дождика теперь».
Слышит, кто-то у амбара
Тихо-тихо дернул дверь.
Шорох... веники сухие.
Шум, подобный ковьялю...
— Что за люди? кто такие?
Стой! ни с места! застрелю!

— Мы молещницы-плакиды,
Коли жалко, так уйдем,—
Две старухи-шепетухи
Перед дедом, с костылем...
«На Афоне, родный, были,
К Солигаличу идем!».
Вдруг из за́-лесеу поплыли
Звуки ти-ли, ти-ли бом!

Ти-ли, ти-ли, ти-ли бом!
Заходите в божий дом!
В монастырь, в монастырь!
Здесь безмерна божья ширь!
Все, и малый и большой,
Всех ведите за собой!
Все калеки и калки,
Человеки невелики,
И слепец и поводырь—
В монастырь!

За полями в тьме вечерней
На малиновом разливе
Монастырь купается.
Величавей, самоцветней
Там, за рощею столетней
Зори загораются.

Зори загораются,
В ленты заплетаются,
Перелесок острозубчат
В зареве купается.

ДЕВУШКИ.

В тереме-светлице
Девки собралися,
Песни распевают
О судьбе гадают:

Мой целован, мой приглядист,
Где ты, милый, запропал?
Ай дареное колечко
На другое променял?
Ай забыл деревню-поле,
Золотисто-яр ячмень?
Ты придешь ли на раздолье
Наших тихих деревень?
Ай ли зорьку-непригляду
Приглядел-облюбовал
И надолго-ль на чужбине
Запропастился—пропал?

Ходят, ходят в горенке,
В терему—светлице
Золотые зореньки,
Красные девицы.

Распевают красные,
Глядя за воротца,
Верить не согласные,
Что мил не вернется.

Ай, беда, ай, беда
Девушке—царевне!
Уезжают в города
Парни из деревни!
Ай, беда! не по нам
Эти песни сталися,—
По чужим по городам
Парни затерялися...
Позабыли то-ли нас?
То ли не божилися?
Светел месяц наш погас,
Сны укоротилися.

В терему, светлице
Да в убраной горенке
Ходят белолицы
Золотые зореньки.

Ай ли в девичьей груди
Горе не поместится!
Долго-ль буду я ходить,
С девками невеститься?
Долго-ль буду я глядеть
Из окна косящета—
И не видеть и не знать
Жизни настоящей-то!..

РЕКРУТЫ.

В эти сине-синетемные денечки,
В эти темно-темносиние деньки,
Загуляли за рекою паренечки,
Разгулялись за рекою пареньки.

Не от радости, а с горя да печали,
Не от радости, а с горя да тоски
За рекою паренечки загуляли,
Расходились за рекою пареньки.

В сизых сумерках деревня потонула,
Призатихла, припечалилась она,
Лишь от буйного широкого разгула
Всколыхнулась за рекою тишина ..

Эх, гуляй, пока широкое разгулье!
Пропльиви-ка, пропляши-ка трепака!
В темном вечере и в говоре, и в гуле,
Даже в песенках почувялась тоска.

Скоро смолкнут эти песенки, гулянье,
Будут песенки, да петь то их не нам!
Мы раз'едемся на долгое прощанье
По чужим, по незнакомым сторонам.

За рекою при околице прощанье:
Призатихли разудалы пареньки,
Только звонкая гармоника в тумане
Про последние печалится деньки.

* * *

Гаснет малиновъй
Запад вдали.
Скорбные тени
На землю легли.

Жуток орудий
Предутренний гул...
Там, где малиновъй
Свет потонул —

Храмы — не храмы,
Дома — не дома...
Землю покрыла
Холодная тьма.

Город ли, лес ли,
В болоте ли гать —
Черною ночью
Никак не понять.

Словно сковала нас
Черная сталь,
Тихо без шороха
Движемся вдаль.

Зори — зарницы
В небе дрожат:
Скорбной Галиции
Села горят.

И ДЕНЬ НАСТАЛ..

...И день настал. В зловещем гуле
Огонь село подстерегал,
И крики в грохоте тонули,
И рвался огненный металл.

Взрывал он ямы, брызгал пылью,
Столбы вздымал он на селе,
Как будто огненные крылья,
Взмахнулось пламя по земле.

Куда уйти? куда укрыться?
Бегут, кричат: в подвал, в подвал!
На лицах их, на скорбных лицах
Огонь знак смерти начертал.

А гром сильней... а ядра стали
Рвут воздух, свищут по земле;
И вдруг взвились и задрожали
Огни зловещие в селе.

Дымятся, тлеют переметы,
Уж видны языки огней,
И ало-огненные взлеты
С минутой каждою сильней.

Горит село... и нет спасенья!
Куда уйти? куда бежать?
Огонь великого сожженья
Возможно-ль в силе задержать?

Бегут, бегут... не время думать...
Бегут в огни, через огни,
И крик их слышен в вихре шума,
— Христос, спаси! оборони!

Весь день дрожат огни шрапнели
И рвется огненный металл.
Уж зори в небе догорели
И час полуночный настал.

А бой идет... обстрел все длится...
Отбоя нет, пощады нет!
Село сгоревшее дымится.
Зловещ кровавый полусвет.

В могиле общей хоронили
Детей и старцев, тихих жен.
И только ветер по ковыли
Пропел им песню похорон...

НА СУЧАВЕ.

Звонкая Сучава, что ты не звенишь,
Пенишься и бьешься о речной камыш?
Буря ли — не буря, огненный ли гром
Речку взбунтовали с звонким серебром?
Гулко на Сучаве; меж высот Карпат
Села подоженные день и ночь горят.
Вдалеке мерцание — тлеют города,
На реке серебряной красная вода.
Рвется грохот огненный, бьется высота,
Вся дорога горная кровью залита...

ВОЙНА.

Порой, когда туманится вечерний небосклон и лентой дымка тянется со вражеских сторон, — все думаю, думаю думаю, лечу мечтой туда, где девушку угрюмую оставил я тогда.

Мы встретились, слобилися и в росный вечер-тих огням огней молилися, что тлеи в нас самих...

Была пора богатая, светило счастье нам. Не мы-ль в поля нежатые ходили по ночам?...

Не мы-ли невидимкою от людных зорких глаз ходили в луг тропинкою — весенний слушать сказ?...

Игра весенне-пенная кипела в нас самих. Тебе, неоцененная, слагал я в сердце стих...

До свету бором, долами гуляли в росный час. Горело божье польмя тогда в сердцах у нас.

Забывать ли незабывное? Уйти-ль от прошлых чар? В душе бывшее, дивное загло былой пожар.

В низах курились ладаны, плыл шорох в тишине...

Несуженой, негаданной явилась ты ко мне!...

Работа-ли день-дёнская стоит в полях— не ждет; вся сила деревенская полна труда, забот.

Повязаны косынками, там бабы и девье идут в поля тропинками на желтое жнивье.

Желтеет и червонится мирское поле— гладь. — Попробуй, кто угонится за мной снопы вязать?

Червонятся, румянятся, как ягоды в бору. Уж песенки не тянутся в полдневную жару.

И вдруг... в набат ударили. Гудит церковный звон. О чем? не о пожаре-ли людям вещает он?...

Забыты недожатые полоски на долу. Глядят за дымку сизую, глядят, бегут к селу...

Уж вот село соседнее ударило в набат. Идут с полей последние, идут в село, спешат.

Из за-лесу, из за-поля плывет тревожный звон, и чудится— вселенную покрыл со всех сторон...

Поля повиты чарами, узором голубым;
там марево пожарами клубит полдневный
дым.

С серпами да корзинками беспесенной
гурьбой, дорогами, тропинками спешит
народ домой.

Не к радости смятение.—Чему, чему-то
быть? Пришел народ в селение о звоне рас-
просить.

Священник, власти сельские, урядник,
старшина... И словно гром ударило:

— Объявлена война!...

Взревели бабы мужние, метнулись по
избам.

— Ой, горе, горе лютое, зачем подкра-
лось к нам?

Бывало, было времячко, не ведали
забот, лущили в праздник семечки, водили
хоровод.

Над Волгой полноводною гармоники
игра звенела, беззаботная, в былые вечера...

Ой, девки, девки красные, довольно
слезы лить. Удалую, бывалую весну не
воротить...

Настало расставание. Дорога вдаль
вилась... Вся сказка, песня ранняя в душе
оборвалась.

С тобой, моей княгинею, порвалась сказки нить: за дали, дали синие не нам теперь ходить.

Прощай, березка белая, прощай, прощай, прощай!... Уж даль порозовелая зажгла восточный край.

Прощай, село родимое, поля родной страны! Мы, рать непобедимая, идем в поля войны...

Прощай, прощай!... И тронули, погнали лошадей по полю, по загону-ли своих родных полей.

Весь день ходил в тумане я, твердил ее слова; от грусти расставания кружилась голова.

Порой, когда туманится вечерний небосклон и лентой дымка тянется со вражеских сторон, — все думаю, думаю думаю, лечу мечтой туда, где девушку угрюмую оставил навсегда...

Я ПОМНЮ НОЧЬ...

Я помню ночь... Горели села
И плавал дым, зловеще-ал;
От пушек грозного глагола
Вечерний воздух грохотал.

Казалось, алая завеса
Покрыла дальний небосклон.
Стояли мы в опушке леса,
Где плыл зловещий страшный звон.

В лесу кипела жизнь ночная,
Скрипели фуры, и обоз,
Себе дорогу прочищая,
Не мало горя перенес.

В ту ночь впервые испытал
Я ужас, вылитый войною,
И первый раз передо мною
Суровый лик войны предстал.

Войны людской суровый лик
И стон, и ужас, и смятенье...
Огонь зловещего горенья
В лесу чужом людей застиг.

Русины-беженцы обозом
Оттерты в сторону дорог,
Но их мольбам, но жутким слезам
Никто не мог — и не помог.

И шли обозы... и тянулись
Патроны... ядра... кухни ряд,
И был в лесу зловещий ад,
В котором люди содрогнулись.

Весь лес обрыт глубоким рвом,
И только в стороне дороги
Был выезд. Люди от тревоги
Стонали в ужасе немом.

Все ближе, ближе ядра рвутся,
Все ближе, ближе бой гремит.
Вот конницы ряды несутся
И пополнение спешит,—

И нет им, беженцам-русинам,
Из леса выезда, — кругом
Все тонет в ржаньи лошадином
И черном грохоте глухом.

И вдруг в лесу ядро упало,
Поляну кровью обливав,
И гул зловещего металла
Бросал зловеще-алый взрыв.

И ужас всех сковал незримо:
Бросали женщины детей,
Сорвавшись, кони мчались мимо
Шатров, повозок и людей.

Стонала, выла, завывала
Лесная даль, и грохал гром,
И страх, и жуть людей сковала
В лесу зловещем и чужом.

Вот сбились в кучу дети. Малых
Детей никто не замечал,
И вдруг огонь, и взрыв металла
Детей по лесу разметал.

Вот мать бежит, прижав ребенка...
Застыла кровь...—Да жив-ли?... Жив.
Все чаще ядра, гулко, звонко
Бросают огненный разрыв.

.

* *
* *

Мил на фронте, на фронту,
На чужой сторонке...
Ах, и скучно же одной
Девке-сговоренке!

Сговорёна, пропита,
Да в церкви не венчата. —
Жизнь то, жизнь то какова—
Горькая, изменчата!

Ах, одену ли венец
В церкви пред иконами?
Понесусь ли, полечу
С бубенцами-звонами?

Знать не видеть мне венцы,
Золотые венчики;
Не зальются бубенцы,
Звонкие бубенчики!

Сердце бьется - говорит:
Милый не воротится;
Вековушкой плохо быть—
Век мой укоротится...

Для-ча, для-ча ты дапа,—
Ожидать чего еще?—
Распроклятая война,
Чортово побоище!

Я тоскую, слезы лью
На родной сторожке...
Ах, вы песенки мои,
Песни-побасенки!..

* * *

Растяну меха гармови,
Да нажму я на баса...
Вы развейтесь на прогоне,
Золотые голоса.
Звонче, звонче, переборы.
Пойте, звонкие лады,—
Выйдет милая на горы,
Прибежит из слободы.
Ой, ты, Волга-крутогорье,
Берега—зеленый сад,—
Разгони шалое горе,
Вороти тоску назад.
Ах, я ласков с милой буду,
Всю ей душу расскажу,
Все-то, все ей раздобуду,
Всех нарядней обряжу...

Все сдается—скрытна стала:
Все-то ходит стороной,
Да грустна, не как бывало,
Да нерадостна со мной.
Все-то, все достану милой,
Принесу моей любви,
Только будь, как раньше было,
Только ласку прояви.
Вижу слободу-заречье—
В окнах теплится огонь,
Я взмахну ремень на плечи,
Трону звонкую гармонь.
Ах, моя гармонь—двухрядка.
Звонки клапаны—ряды!
Я пройду ли вдоль порядка,
Вдоль заречья-слободы...
Знаю: выбежит на горы,
Знаю: встретится краса.
Звонче пойте, переборы,
Золотые голоса...

* * *

Ах, гармошка—гармонь,
Разожги в душе огонь,
Жизнь нам светом освети
При беспутнице—пути!
Дай забвенья хоть на час:
Радость мало знает нас...
Белым светом, ворожкой
Мир тоскующий покрой!

Ах, гармоника — краса,
Подголоски — голоса,
Вейтесь, лейтесь вдалеке
При безрадости — тоске...
Выйду, стану у ворот.
Где тоскует и поет
Медный голос под рукой
С неразвешанной тоской...
Ах, гармоника-гармонь,
Дай хоть ты душе огонь.
При беспутнице — пути
Белым светом освети!..

С ВОЙНЫ.

Сердце сердцу звон кует,
Без ума от звопа я,
Захлестнула жизнь мою
Радость затаенная.

Знаю, знаю я--вдали
За лесами тальми
Ждет царевна мой приход
Взглядами усталыми.

Ах, устала, заждалась,
Выбегала на-поле;
Там дороженька вилась...
Слезы-бисер каналы.

Да глядела в даль полей
За леса зеленые;
Схоронить ли от людей
Думы затаенные?

Нет, тоски не затаишь!
Все слова напрасные...
Не мирится с горем злым
Сердце неподвластное.

Да гудит в душе набат,—
Скоро, скоро станется:
Мил вернется навсегда,
Сердце не обманется...

Сердце—сердцу звон кует...
Без ума от звона я:
Скоро, скоро ли придет.
Радость затаенная?

* * *

Девушки желанные,
Белые, румяные,
Где вы пропадете,
Ночи коротаете?
К нам вы приходите,
Лаской подарите,
Девушки стыдливые,
Тучки молчаливые!...

Полно за околицу
Бегать да заботиться,—
Нежданно, негаданно
Суженый воротится;
Перстеньком-болечком,
Ласковым словечком
Подарит желанную,
Кралю бесталанную.

Девушки румяные,
Нежные и тонкие!
Что не распеваете
Свои песни звонкие?
Полно, не печальтесь,
Над собою сжальтесь,
В горе неумные
Королевы скромные!

В эти зори алые,
В эти ночи тайные
Не печальтесь светлые
Спутницы случайные.
Всю беду забудьте,
Веселее будьте,
Девушки желанные,
Крали бесталанные!

ПОЛЕ.

Полдень пьяный,
Медвяной...
Над полями
Дышит эпой.
Околдован
Полдень дымкой.
Синетканой
Сипевой.

В полянице
Яр-ячень,
Золотится
Вешний день,
В позолоте
Чуть клубится
Дым далеких деревень.

Кабы я-бы
Взвиться мог,
Полетел-бы
На Восток;
На Востоке
Есть далекий
Сине-аленький
Цветок.

Там, на родине
Моей,
В позолоте
Вешних дней
Есть царевна-
Ненагляда,
Радость радости
Моей...

Там в раздолье
Деревень.
В тихом поле
Яр-ячмень;
Вьются песенки
Над полем,
Над раздольем
Деревень.

Кабы миѣ-бы
Пару крыл,
Я бы горе
Позабыл,
Я взвился бы
На раздолье,
В чисто поле,
Гдѣ любил...

Чисто поле,
Моя воля,
Песни радости-
Любви,—
Где вы, цветики-
Цветочки,
Колокольчики
Мои?

ТРОПИНКА.

За поля суглинные,
За полоски длинные
Протянулась тропочка,
Тропочка-протопочка.
Хожена ты, хожена,
По полям проложена,
О тебе и посказка
Во народе сложена:

Ходили лапти,
Гуляли лапти
По полю, полю,
Искали волю...
Да нету воли
В миру во поле,
Одна неволя
Дана на долю!

Мужиком протопана,
Ветрами отрепана,
Тропочка напольная,
Ленточка окольная,—
По полям теряешься,
На холмы взбираешься,
В даль бежишь ты вольную,
Тропочка окольная...

В О Р О Ж Б А

(Иван Купало).

В эти ночи-полупочи
По полям
Огни.

То колдуют, то морочат
Счастье нам
Они.

Лихо-звончаты гармоши,
Удаль душу
Жжет.

За прогоном на загоне
Хоровод
Поет.

Сквозь костры ли пробегает
Иль омет
Ржаной...

Ворожит девье, гадает:
Кто возьмет
Женой?

К поцелуям не охочи,
Хоть шутить
Не прочь...

Ой, вы ночи-полуночи!
Ой, колдунья-
Ночь!

Подбоченясь, тошни, что ли,
Паренек,
Уважь!

Ой, во поле, да на воле
Хоть денек,
Да наш!

Ой, во поле, да на воле
Клад не мал
Найдем;

От злодейки-худодейки,
От пужды
Уйдем!

Под гармонии песни звонче,
Девий смех
Пьяней.

С милой выйду в лес я ночью
Без помех
Парней.

Резнет сердце грустной песней,
Колдовством
Пути,

С милой будет расчудесней
Нам вдвоем
Уйти!

В вечер темный—неуемный
Смех среди
Полян.

В заливных лучах тальянка;
Вечер тих
И пьян.

СВАТЫ.

Хлопья белые летят,
Запорошив крыши хат,
По дорожкам, по проселочкам
Бубенчики звенят.

В звонком беге
Бубны звонки;
Кони мчатся,
Тает след.
Едут сваты
В перегонки
На смотрины
В мясоед.

Вот проехали село,
Снова стали далеки,
В белополье заливаются
Бубенчики-звонки

Уж едва
Заметны кони,
Посреди белых
Полей.
Сваты, сваты,
Не спешите,
Поверните
Лошадей!

Ходят девки по избам,
Ходят, песенки поют,
Да заслышались бубенчики—
На улицу бегут.

При бантах,
При лентах сбруя.
Колокольчик
Звон кует.
Едут сваты,
Важеваты,—
К чьим воротам
Поворот?..

ИЗ ПЕСЕН ПРОЩАЛЬНЫХ.

В путь-дороженьку молодчики собирались,
Распрощались с вольной волюшкой своей.
Словно сумерки на землю опускались,
Были сумерки на лицах у людей:
Приведется ли дожждаться вас, родимых,
Или, может быть, во век не увидать?
Плачут женщины о днях невозвратимых,
Плачет в муках изнывающая мать.
За раскосые столы они садятся,
Пред разлукой пьют зеленое вино...
Доведется ли нам волюшки дожждаться,
Или сгинуть на чужбине суждено?
В путь-дороженьку молодчики собирались,
Распрощались с вольной волюшкой своей.
Тихо сумерки на землю опускались,
Были сумерки на лицах у людей,
Мать их потчует: поели бы, родные!
Не до этого: не пьют и не едят.

Под окошками две лошади гнедые
С нетерпеньем, запряженные, стоят.
Эх, пора, должно быть, отправляться...
Ну, простите, ну, прощайте навсегда.
Стали женщины платками утираться,
Затряслась у старого борода...
Путь-дороженька не близкая вам папа,
Путь-дороженька неведомо куда.
Мать их старая по хате застонала,
Припечалилась невестка — молода...
Шли на улицу, прощались на прогоне,
Горевали старики и молодцы.
Да рванулись откормленные кони
Да запели-залились бубенцы!..
Путь-дороженька далеко пролегла,
Путь-дороженька тянулася в поля,
Где кровавая Галиция стонала,
Где багрилася багряная земля...

ИЗ ПОХОДНОЙ КНИЖКИ.

Как бывало, снаряжала
В путь-дорожку молодца,—
Поджидала удалого
У соснового крыльца.
Поджидала, горевала,
Да и как не горевать:
Скоро-ль милый разудалый
Прибежит поцеловать?

В непрогляди повечерой
Милый ходит у реки.
Побегла походкой скорой
Через гумна напрямки.
У дороженьки неторной,
Середь поля ячменей
С нежной ласкою покорной
Умоляла: пожалей!

При заклятьи подарила
Милу-другу перстенок...
Эх-бы ночь не проходила,
Не адел зарей восток!

Г А Р М О Н Ь.

(По поводу найденной в пасхальных подарках гармонии).

Получили мы из Питера гармонию.
Не тальянка, не вольнка, а огонь!
Заиграет да зальется—душу жжет,
Всю тоску и всю невзгду прочь несет!
Да как хватят, да меха-то разведут,—
Удержаться, устоять-ли парню тут?
Загорается душа—не устоять:
Ноги, руки так и рвутся промясать!

Эх, гармоника, ударь-ка трепака,
Распотешь-ка, разожги-ка паренька,
Дай-ка в полюшке мне горюшко унять,
Под гармонику пропеть да проплясать!
Вспомнить прошлые, угарные деньки,
Хороводы по-над берегом реки ..

Где вы мило-мило девичьи слова
Да о празднике шальная голова?
Да веселый мило-девичий намек,
На присуху—на подарок перстенок?
Эх, ударь-ка, эх, развейся, эх, зажгись!
Шире, шире! дай дорогу, расступись!

Вспомним Волгу, вспомним матушку-реку,
Да развеем и кручину, и тоску;
Вспомним Волгу да ребят на-веселе
Да гулянку да тальянку на селе,
Да на девушках малиновы платки,
Да напевы, да огни из-за реки!..

То ли дело звон тальянки над рекой,
То ли дело полушалок голубой,
То ли дело полушалок-полуплат,
Хороводы наших девушек, ребят,
Да об'ятье, да пожатые милых рук...
Эх, раздайся, расступися шире, круг!

Эх, гармоника,—кручина не рука—
Распотешь-ка, разожги-ка паренька!
Громче-громче разударю каблуком,
Не кручнюсь, не печалюсь ни о ком!
Шапка на-земь, шапкой об-земь, и айда!
Было горе, да развеялась беда!..

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ.

В этот вечер святой по траншеям враги
не стреляли,
Города не горели при ало-вечернем огне,
Не багрянились тихие, белым светом
одетые дали,
Орошенные кровью на чуткой ночной
тишине.

* * *

В этот вечер святой по холодным
некрытым траншеям
Не гремела стрельба, не взрывались огни.
Без огней
Был простор необъятный глухой тишиною
овеян,
Был овеян дыханьем далеких родимых
полей...

* * *

Г О Р Ы.

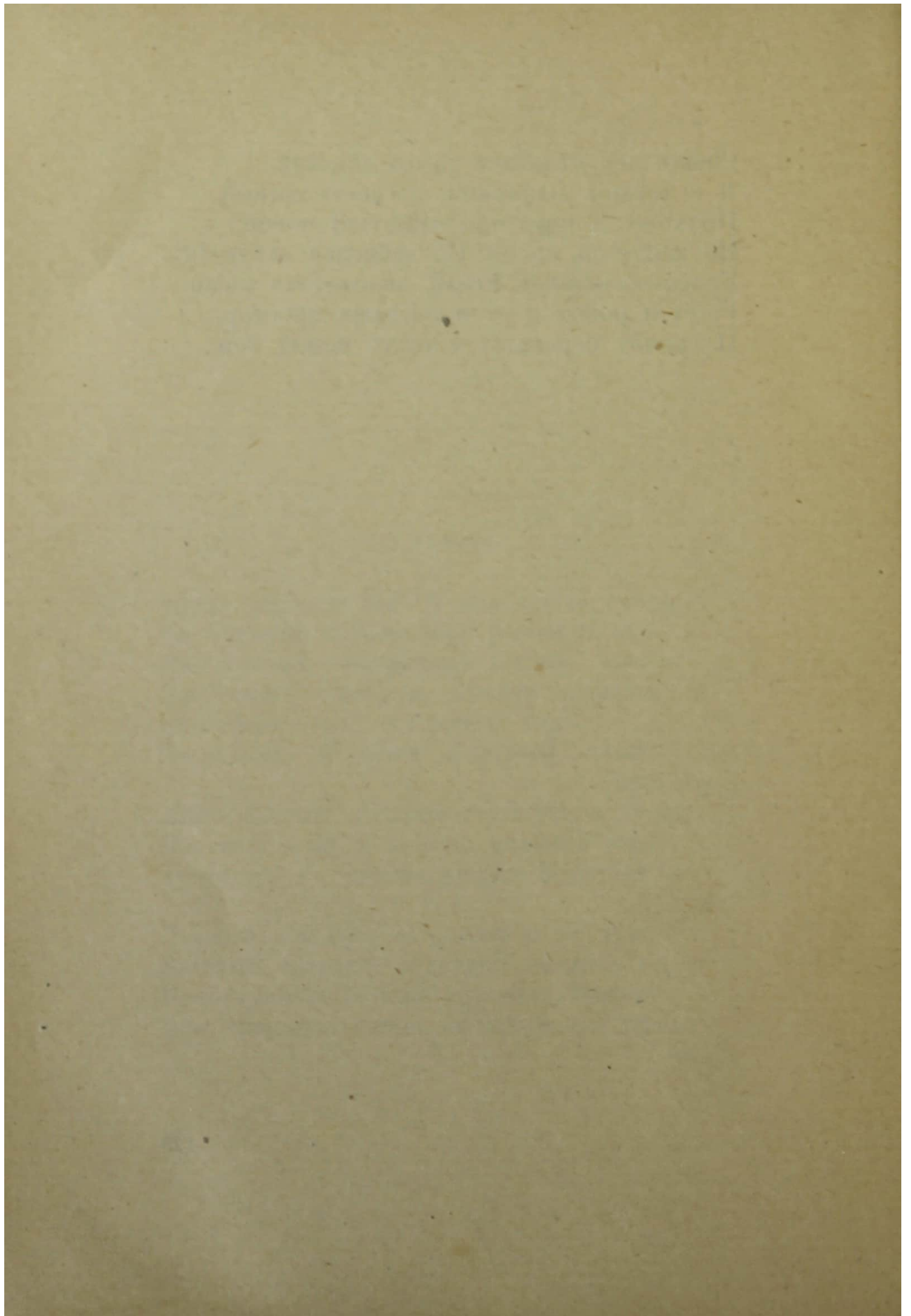
Горы, горы и лес. А над лесом туман.
За туманом седым тает розовый дым.
Над землей, обгаренной землей, ураган
Разразился пожаром, дождем огненным.
За горою гора, над горою гора.
Ни жилья, ни души: мертвый, дикий

простор...

Лишь клочки облаков с голубого шатра
Одевают венцом вышки дальние гор.
Тишина... В тишине хвойный шорох и
шум...

Я один... Ухожу от тоски и от дум:
Высоки, высоки, в летний полдень горят
Недоступные вышки суровых Карпат...
Дикий, неведомый, суровый хвойный лес предо
мною.

Сизый лес отливает вдали синевою.
Я с тоской, одинокий, с своею тоской
Прохожу и ищу мой забытый покой...
Но найти-ли покой? Но забвенья найти-ль?..
Красно-огненный столб, золотистая пыль,
Гром и рокот и стон одевают простор,
И гремят перекааты в лесах между гор.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	СТР.
Проталины талы	3
Сходились девченки	4
Присуха	5
Выше, молот, поднимайся	6
Мы счастье ковали из стали	7
Странницы	9
Палы	12
Зори	15
Песни	18
Холодно одной	21
Фабричный шум	22
В корпусе, на фабрике	26
Так и пышет	27
Окраина	29
Песни Обводного канала	31
Цветозвон	33
Троица	35
Гуляют, разнаряжены	37
Ярмарка	38
Семик	40
Купало	42

	СТР.
Девьи песенки	44
Ломкие хрусталинки	46
Пляс	47
Земля родная	50
Земля	52
Кузнец	56
Красный лик	57
Светел месяц	59
Ворожит колдун	60
Повесенница	62
Май	65
И пушиста и бе	67
И свет погашен	69
На привале	70
Черным стоном	72
Покров	74
Заревые шорохи	76
Девушки	80
Рескруты	82
Гаснет малиновый запад	84
И день настал	86
На Сучаве	88
Война	89
Я помню ночь	93
Мил на фронте	96
Растяну меха гармони	98
С войны	101
Девушки-желанные	103
Поле	105
Тропинка	108

	СТР.
Ворожба	110
Сваты	113
Из песен прощальных	115
Из походной книжки	117
Гармонь	118
Рождественская ночь	120
Горы	122

